

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ БГУ имени В. И. ЛЕНИНА
ВЫПУСК 30, СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ, 1956

В. Н. ПЕРЦЕВ, профессор

НАЧАЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ПРУССИИ
(ГЕНЕЗИС ПРУССКОЙ НАРОДНОСТИ)

*(опубликована в издании: Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина. 1956. Сер. Ист.
Вып. 30. С. 109 – 122)*

Наши сведения о населении древней Пруссии очень скудны. Сами пруссы не имели письменности, а поэтому не могли ничего о себе сообщить. Античные авторы — Страбон, Диодор, Плинии, Тацит, Птолемей, которым была более или менее известна западная и южная Германия, очень мало знали о северных и восточных областях Европы, примыкавших к южным берегам Балтийского моря.

Самые термины «пруссы», «Пруссия» возникли довольно поздно. Если не считать одного неясного и беглого упоминания области Pruzze, встречающегося в одном документе, исходящем от папы Иоанна XV (985 — 996), то впервые термин Prussi встречается в житии святого Адальберта — миссионера, направившегося в Пруссию в самом конце X в. и там убитого туземцами. Есть основания думать, что слова «Пруссия», «пруссы» как литературные термины зародились первоначально в X в. в Польше. Нам известно, что еще в X в. та область, которая позднее получила название «Пруссия», была населена многими мелкими литовскими племенами, каждое из которых имело свое название (кульмцы, померанцы, вармии, барты, сембы, галинды, зудиты и т. д.), но общего названия для всех них еще не было. Поляки, которые довольно часто соприкасались с населением Пруссии и хотели называть его общим именем, не умели это сделать иначе, как по его географическому соседству с Русью; поэтому они стали называть пруссов — без различия их отдельных племен — в совокупности «живущими подле русских», «по соседству с русскими», «при русских», что выражалось соединением славянской приставки «по» и латинского слова Russi, которым обычно в латинских хрониках называли русских, и давало термин Po-russi = Proussi = Prussi. По этому же приему они обозначали приморских жителей, примыкавших к Балтийскому морю, термином Po-marini = Romerani, откуда возникло название Romorje. Правда, Пруссия отделялась тогда от Руси Литвой, но по неточным гео —

графическим и этнографическим представлениям того времени считалось, что Пруссия с востока непосредственно примыкает к Руси¹, ибо Литва ошибочно причислялась к русским землям. В Польше, повидимому, и услышал слово «прусы» биограф Адальберта Канапариус, который в своем описании деятельности Адальберта ввел этот термин в литературное обращение², после чего он стал общеупотребительным и в Германии, и Скандинавии, и в Польше, где его знали раньше в быту, но в литературе не употребляли.

Таким образом, по этому толкованию термин «Пруссия» возник не среди самих местных жителей, а в Польше³, ибо у местного населения, повидимому, в течение долгого времени не было потребности называть свою страну общим именем, ввиду разнообразия ее этнического состава и вследствие отсутствия политических связей между ее отдельными частями. От поляков услышал слово Prussi и Дитмар Мерзебургский, сам употреблявший, однако, название только страны (Prussia), но не народа. Затем этот термин употребляет Адам Бременский, а с XI в. он становится обычным и у немецких, и у скандинавских историков.

Остановимся в этой статье на вопросе о происхождении населения древней Пруссии.

Прежде всего надо подчеркнуть, что население юго-восточной части Прибалтики (включая сюда и Пруссию) время, близкое к нашей эре, было крайне пестрым по своему этническому составу. По свидетельству древних авторов, там жили племена, которых сами древние ошибочно относили к германцам, главным образом к готам. Плиний⁴ называет их гутонами, Тацит, более западных, живших ближе к Висле, также гутонами, а более восточных, находившихся вдоль Кургафа, — эстиями (aestii)⁵, относя их место жительства к той области, которая позднее получила название Самбии (Sambia, Samland). Птолемей же называл их гитонами⁶.

Эти мнения древних о первоначальном заселении юго-восточной части Прибалтики германцами не оправдываются, однако, современными этническими и лингвистическими данными. В настоящее время в науке все более и более укрепляется мнение, что в юго-восточной Прибалтике издревле жили племена так называемой балтийской группы⁷, в ближайшем территориальном соседстве, а в древности и в этническом родстве с которыми находились славяне; готы же были только кратковременными поселенцами здесь, занимавшими притом далеко не всю позднейшую Пруссию.

Из свидетельства древних авторов относительно древнейшего населения позднейшей Пруссии особенно ценно упоминание Тацита о том, что северо-восточную часть позднейшей Пруссии заселяли эстии. О них имеются упоминания и у позднейших средневековых авторов — Иордана, Эйнгарда,

Вульфоната как об основных поселенцах Пруссии; из этих свидетельств видно, что эстии ни в кое случае не были германцами. Они и образовали, по мнению ряда исследователей, этническую основу той группы племен, которые позднее стали называться балтийскими. Мнение, что «эстии» Тацита обозначали некогда всю прибалтийскую группу племен, поддерживается рядом ученых (Билленштейн, Ломейер и др.⁸). На принадлежность «эстиев» Тацита к прибалтийским племенам, ближе всего к литовским, указывает и академик Соболевский. По мнению академика Соболевского, название *aestii* близко к «сетьгола» нашей первоначальной летописи и представляет собой искажение первоначального названия этого племени — *saetii*. Между тем название «сетьгола», судя по второй части летописного названия, принадлежало одному из литовских племен. Эта часть — «гола» — литовскому *galas* — конец, область. По мнению академика Соболевского, *aeslii* Тацита (*Saetii*) — это те же ситоны, о которых Тацит рассказывает в главе 45 «Германии»⁹. «Тацит, — говорит академик Соболевский, пользуясь несколькими источниками, взял из них названия одного и того же народа в двух передачах — в латинской (*sitones*) и в греческой (*eattiot*). Так получилось у него два рассказа» (стр. 314), то есть об эстиях и о ситонах, между тем как его имели в виду только одно племя и одно название для него.

Ближайшими соседями балтийской группы с незапамятных и были, по-видимому, и славяне. Поселения славян в соседних с Прибалтикой территориях относятся, очевидно, к очень давнему времени. О предках славян, как о соседях прибалтийских племен, говорят, именуя их венедами, Плиний¹¹, Тацит¹² и Птолемей¹³. Хотя эти упоминания относятся к I и II вв. н. э., это, однако, отнюдь не доказывает, того, что предки славян не жили здесь раньше. Античные авторы вообще мало знали и мало интересовались далекими от них северными племенами. Поэтому поздние и краткие упоминания об этих племенах были для них вполне естественны. Мы можем теперь на основании археологических, лингвистических и других данных установить, что когда-то в Прибалтике и вблизи от нее предки славян и племена прибалтийской группы жили в близком общении, были родственными народами и что их языки в ряде отношений представляли между собой сходство.

Близость между народами балтийской группы и славянами признавали и ученые индоевропейской школы, хотя они и исходили из неправильных представлений об общем происхождении всех языков из единого праязыка и из теории миграций. Так, латвийский языковед Эндзелин пишет: «Когда при распадении общего праязыка арийцы отделились территориально от славян, последние, оставаясь ближайшими соседями балтийского племени, вступили с ними в эпоху совмест-

ной жизни, во время которой их языки были еще настолько близки друг другу, что славяне еще понимали балтийскую речь и наоборот. В то время языки обогатились целым рядом общих или новых слов и подверглись некоторым (немногим) общим изменениям в области фонетики, морфологии и синтаксиса»¹⁴.

Академик Соболевский признает, что одна из ветвей славянского праязыка была очень близка к балтийским языкам и составляла «ранее вместе с балтийскими языками одно целое — славяно-балтийский или славяно-литовский язык»¹⁵.

Даже некоторые из буржуазных немецких историков признавали древнюю близость языков балтийской группы и славянских. Так. Ломейер в начале XX в. писал: «Из глубокой древности, которая является общей обоим более старым языкам (то есть прусскому и литовскому. — **В. П.**), можно заключить, что пруссы и литовцы с незапамятных времен были соседями: равным образом то обстоятельство, что балтийская группа стоит ближе всего к славянской в среде остальных индогерманских языков, указывает опять-таки на длительна соседство между пруссами и литовцами, с одной стороны славянами, с другой».¹⁶

О такой же близости прибалтийских народов со славянскими говорят и некоторые археологические данные. Немецкий ученый Шухардт на основании археологических данных находит, что «пруссы имели много общего со славянами вследствие тесного соседства»¹⁷.

В наше время древнейшую общность славянских и балтийских языков (в смысле происхождения их от одной и той же этнической основы) защищает проф. Краковского университета Лер-Сплавинский, также стоящий на позициях индоевропейской школы. «Установлено, — пишет он в автореферате своей большой работы «O pochodzeniu i praojezyznie Slavian» (1946), — что балтийские языки пережили вместе со славянскими общий период выделения из индоевропейского праязыка, поэтому этническую и лингвистическую группу, возникшую в результате индоевропеизации более древнего «уральского» (прафинского) субстрата на пространстве между Одером и бассейном Оки, следует считать общей этнической и языковой основой как балтийских, так и славянских народов. Она соответствует установленному в науке понятию общего балтийско-славянского праязыка, который по практическим соображениям, дабы не предрешать его двудольности, лучше называть протобалтийским»¹⁸.

Проблемой этногенеза славянства занимались также академики Н. С. Державин, Б. Д. Греков, проф. Б. А. Рыбаков, П. К. Третьяков, М. И. Артамонов, Т. А. Трофимов и другие советские ученые. В противоположность теории миграции, тесно связанной с позициями индоевропейской школы,

передовые ученые защищают идею автохтонности всех племен и народностей, которая не может быть не применена и при разрешении вопроса о происхождении древних пруссов. Корни поселений древних пруссов уходят в глубокую древность. На известной стадии развития произошло отделение северных славян от прибалтийской группы племен. Племена, жившие на территории древней Пруссии, складывались из многочисленных местных этнических групп, и этническая картина здесь была первоначально очень пестрой. Следы этой этнической пестроты дошли даже до времен немецкого завоевания и были отмечены Дюсбургом при перечислении им — не совсем правильном — племен, живших на древнепрусокой территории.

Таким образом, при рассмотрении вопроса о происхождении древних пруссов можно установить, во-первых, то, что пруссы и их предки, как и прочие племена и народности, были автохтонными, туземными, всегда оставались на одном и том же месте, и их этническая эволюция и социальное развитие в основном связано с местными корнями и источниками; их этническое и социальное формирование происходило на одних и тех же, в основном мало менявшихся территориях; во-вторых, что в состав древних пруссов, как и в состав других племен балтийской группы — латышей и литовцев, — вошли протославянские элементы, что нашло себе отражение и в древнепрусском языке; в-третьих, что между прусскими, литовскими и латышскими племенами было много этнического и языкового сходства, идущего от времен глубокой древности; в-четвертых, что в формировании прусской народности германские племена не принимали участия. К этому нам еще придется вернуться в дальнейшем, особенно при рассмотрении так называемого «готского вопроса» в истории древней Пруссии.

Этнические и языковые особенности древних пруссов, как и других племен и народностей, развивались медленно и постепенно, путем постепенного впитывания в себя новых элементов.

Близость языков балтийской группы как между собой, так и со славянскими языками доказывается многочисленным лингвистическими данными. Приведем некоторые примеры.

Из области земледелия. Соха: старопрусс. — *zoche*, литовск. — *zaka*, *zagre*, слав. — *socha*; рожь: старопрусс. — *rugis*, литовск. — *ruggis*, *rugiai*; земля: старопрусс. *same*, *samven*, литовск. — *zemi*, латв. — *semme*; коса: старопрусс. *doalgis*, литовск. — *dalgis*, латв. — *dalds*; лопата: старопрусс. *lapto*, литовск. — *lapeto*, латв. — *lahpsta*, слав. — лапта, лопата.

Из области садоводства: яблоко: старопрусс. *wabulue*, литовск. — *abholys*, латв. — *abhols*, польск. — *jablko*; вишня: старопрусс. *wishaitos*, литовск. — *wisnia*, польск. *wisnia*; слива: старопрусс. — *slywaytos*, литовск. — *slyva*.

Из области скотоводства. Свинья: старопрусск. — swintian, польск. swinia.

Из области ремесла. Железо: старопрусск. — gelso, литовск. — gelezis, польск. zelazo; замок: старопрусск. — samukis, польск. zamek; пробойник: старопрусск. — dalptan (родств. русскому долбить), польск. przebijak; ткач: старопрусск. — tuckoris, польск. tkacz; игла: старопрусск. — аусуло, кроатск. — juglo, польск. — igla; головной убор: старопрусск. — kelmis, литовск. — salmas, русск. - шлем.

Из области рыболовства: селедка: старопрусск. selecke литовок, silke. латв. — silkis; бредень: старопрусск. — bradde литовок. — bradinis, латв. — briddnis (родств. польскому breziес — бродить) и т. п.¹⁹.

Характерно при этом, что у античных авторов ни одна и крупных рек северо-восточной Германии не называется по-германски. Висла у них называется Visula, Vistula, Viscla, ближе к славянскому «Висла», чем к германскому Weichsel; Эльба — Albis, причем этот термин произошел путем перестановки звуков, очевидно, от славянского названия «Лаба», а не от германского «Эльба». Следует при этом заметить, что слова «Висла», «Лаба», «Одра» имеют определенный смысл в славянском и литовском, но не в германском языке: Wisla в польских народных песнях передает понятие текущей воды, Labas в литовском языке означает добрый, Odra — древнеславянское слово для определения наводненной местности. Все это показывает, что в то время, когда возникали древние географические названия, они формировались главным образом на славяно-балтийской основе.

Советские археологи уделили большое внимание вопросу о древней близости между прибалтийцами и славянами.

На происходившей в мае 1949 г. в Ленинграде сессии, посвященной археологии Прибалтики, ряд археологов указывал на наличие уже с V — VI вв. устойчивых связей, подтвержденных археологическими данными, между славянами и прибалтийскими племенами. На сессии было подчеркнута стремление советских археологов решительно перейти к изучению взаимосвязи культуры Прибалтики с культурой славянского мира. Что касается соседей эстиев (будем так называть предков пруссов) с запада — готов, то заселение ими части будущей Пруссии, именно ее западной части, лежащей в низовьях Вислы, было, повидимому, кратковременным и частичным у поэтому вследствие этой кратковременности и частичности — сколько-нибудь значительного влияния ни на этнический состав ее населения, ни на его язык оказать не могло. Немецкие историки²¹ недавнего прошлого доказывали, что готы пришли в юго-восточную Прибалтику из Скандинавии²². Они (главным образом Коссина) относят начало этого переселения скандинавских германцев в восточную Германию — преимуще-

ственно но на основе археологических данных — к раннему бронзовому веку (600 — 300 гг. до н. э.); к 200 г. до н. э., как они думают²³. Пруссия, равно как и другие близкие к ней области восточной Германии — Померания, Познань и Силезия, были заселены этими германскими племенами. Они поставили в зависимость от себя, утверждают некоторые германские историки, всю Пруссию и основали на ее территории ряд крепостей²⁵.

Эти утверждения германских ученых не соответствуют исторической правде. Мы можем говорить теперь с полной определенностью, что никакого вселения готов из Скандинавии не было. Археологические данные, указывающие на сходство скандинавских и прибалтийских предметов материальной культуры, не особенно убедительны, ибо доказать, что находки, обнаруженные в юго-восточной Прибалтике, были скандинавского происхождения, невозможно.

Что же касается данных литературного характера о том, что готы еще в давние времена пришли из Скандинавии, то они явно легендарны. Они основаны, главным образом, на сообщении Иорнанда²⁶. У Иорнанда (IV, 25) говорится: «С острова Скандии, бывшего как бы мастерской народов (*quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum*), и вышли некогда готы под начальством короля своего Берига. Быстро двигаясь оттуда к пределам ульмеругов²⁷, обитавших тогда на берегах океана, они расположились там лагерем и с оружием в руках изгнали их из пределов. Умножили они также свои победы, подчинив соседних вандалов». Побыв некоторое время у берегов Вислы, готы при царе Филимере, который был «приблизительно пятым царем после Берига», двинулись на юг²⁸.

Отзвуком этой готской легенды является рассказ Павла Диакона²⁹, основанный повидимому, на недошедшем до нас источнике «*Origo gentium langobardorum*», составленном около 670 г. По этому рассказу лангобарды жили когда-то в Скандинавии, но так там умножились, что не могли уже жить вместе³⁰. Они переселились в какую-то страну *Scoringa* (вероятно, близ нижней Эльбы), но оставались там недолго: победив напавших на них вандалов, они двинулись на юго-восток, к Дунаю и к Болгарии. Обе эти легенды имеют в себе много общего. Этим общим является, помимо предполагаемого ими выселения и готов, и лангобардов из Скандинавии, кратковременность пребывания обоих народностей в южной части Прибалтийского побережья и победа их обоих над одним и тем же народом — вандалами, после чего они пошли к югу.

Рассматривая обе эти легенды и, в частности, рассказ Иордана, мы должны отнести к ним очень критически. Прежде всего, надо отметить, что готы, по Тациту, не были мореплавателями³¹, и если бы они и оказались почему-либо на Скан-

динавском полуострове, то естественным было бы их движение дальше на север по суше, а не на юг на материк. К тому другие древние писатели, знавшие готов в III — IV вв. в Причерноморье, ничего не говорит об их приходе из Скандинавии. «Скандинавская» легенда получила популярность только у средневековых писателей. Основой ее было наличие у готов, живших в низовьях Вислы, воспоминаний о том, что они исконные жители этих мест. Когда в средние века стали доискиваться первоначальной родины готов, то был учтен факт сношений южной Прибалтики с о. Готландом. При этом Скандинавия стала отождествляться (по-видимому, несколько позднее) с о. Готландом (на это указывает название Скандинавии островом). Вследствие того и возникло представление, что готы пришли из Скандинавии.

Защита немецкими «учеными» мнения, что готы пришли с севера, связана с представлениями о чистоте «нордической» расы древних германцев. В применении к истории древних пруссов «скандинавская» теория готского происхождения нужна была профашистским и предфашистским историкам затем, чтобы показать связь древнейшего населения Пруссии с чистым «нордическим» готским племенем, позднее несколько ослабленную, но далеко не уничтоженную другими влияниями. Той же цели — доказательству прочности немецкого влияния на древних пруссов служит и стремление доказать длительность пребывания готов на Висле. Как мы видим, «скандинавская» теория готского происхождения относит приход готов в юго-восточную Прибалтику к раннему бронзовому веку (600 — 300 гг. до н. э.). В действительности приход готов на Вислу был гораздо более поздним, и их пребывание на Висле настолько коротким, что положить прочную печать на соседние славяно-балтийские племена они не могли. В легендарном рассказе Иорнанда нет прямого указания на время их прихода на Вислу, но в него, однако, включены некоторые сохранившиеся в народной памяти воспоминания, указывающие на действительную краткосрочность их пребывания в юго-восточной Прибалтике. Именно в продолжении упомянутого рассказа о приходе в Прибалтику короля Берига у Иордана говорится, что готы при сыне Гардарика Великого царе Филимере, который был «приблизительно пятым царем после Берига» (*rege quintus rex regnans post Berig*)³² двинулись на юг. Передвижение готов на юг, то есть к Черному морю, началось во второй половине II в. н.э. Если вселение их на территорию юго-восточной Прибалтики совершилось за 4-5 царствований, то, считая на царствование 20 лет в среднем, выйдет, что готы появились здесь в половине I в. н. э. Таким образом, готы не только не были автохтонами на берегах Вислы но и жили там очень короткое время, не более одного столетия. Они застали там племя эстиев, живших здесь до них и продолжавших

жить и после них. Таким образом, свидетельства того самого Иордана, на котором немецкие историки пытаются основать длительность готского периода в истории древней Пруссии или даже готские корни прусской народности, доказывают как раз обратное: кратковременность поселений готов на Висле и невозможность для них в силу этого оказать на прусскую жизнь сколько-нибудь значительное воздействие.

Нельзя точно также, доказать распространение готов по всей территории Пруссии. Согласно данным древних авторов, относящимся к самому началу нашей эры, можно утверждать только то, что готы заселяли тогда нижнее течение Вислы, вплоть до ее устья. Насколько же далеко распространялись их поселения на восток от Вислы, мы из их сообщений определенных выводов сделать не можем. Плиний указывает только на заселение готами восточной части Германии вообще³³, что слишком неопределенно. Тацит дает более определенное указание, помещая своих готов севернее лугиев³⁴, живших между нижним Одером и нижней и средней Вислой, то есть на север от изгиба Вислы до ее устья. На такое же место их жительства указывает и карта Птолемея. Таким образом, по этим данным, готы занимали только наиболее западную часть позднейшей Пруссии, примыкавшую к Висле. Сомнительно, чтобы готские поселения доходили до р. Прегеля³⁵. К более восточной части Пруссии Тацит относит поселение эстиев, которые во всяком случае не были германцами.

Все это показывает, что говорить о готской основе прусского племени у нас нет никаких оснований, ибо готы занимали только часть позднейшей прусской территории и притом довольно короткий срок. В самом крайнем случае мы можем говорить только о некоторой, и притом совершенно ничтожной примеси готских элементов к тому этническому составу, из которого вышли пруссы.

К тому же, этнический состав самих готских племен был недостаточно определенным. Племена, жившие в начале нашей эры в Прибалтике, были очень разнообразны по своему составу; кроме готов, к ним принадлежали герулы, вандалы, бургунды и др. Древние авторы, сообщавшие нам о них (Плиний, Тацит, позднее Птолемей, А. Марцеллин, еще позднее Орозий, Иорнанд и др.), плохо разбирались в их этнических признаках. Поэтому вполне вероятно, что к готам они относили другие племена негерманского происхождения³⁶. Мы можем на основании этого допустить, что в этническом составе той народности, которую древние, а отчасти и средневековые авторы называли готами, были и негерманские примеси.

В готском языке и в готской народности были примеси и славянских, и литовских, и финских элементов, ибо с этими племенами готы находились тогда в близком соприкосновении и соседстве. Тацит, определяя ближайших соседей Свевии, к

которой он относит и эстиев, занимавших западную часть позднейшей Пруссии, на северо-восток от них помещает финнов, на восток — венедов (которые, очевидно, были славянами, хотя Тацит ошибочно относит их к германцам)³⁷, а на юг — лугиев, являвшихся предками западных славян и находившихся в близком родстве с венедами-славянами³⁸. Птолеми³⁹ же (правда, единственный из древних авторов, как на это указывает Энгельс, приводит имена литовских галиндов и зудитов, которые еще теперь населяют восточные районы Пруссии — Галюнден (Galunden) и Зудауэн (Sudauen)⁴⁰.

В дальнейшем между готами, венедами, литовцами и другими соседними племенами происходили такие частые соприкосновения и переплетения, что всякое предположение о монолитности языка и населения и самой древней Пруссии и соседних с ней областей должно отпасть.

В настоящее время прусский язык — мертвый. Он принадлежит к числу наиболее архаических языков, и если бы он лучше сохранился, то по нему можно было бы, равно как и по языку литовскому, изучать древнейшие периоды языкового развития. От него сохранились письменные памятники, составлявшиеся тогда, когда язык уже вымирал. Именно в XV в. был составлен словарь прусского языка, содержащий всего 800 слов («Elbringer Vocabular»), а в XVI в. (1545 г.) по приказу маркграфа Альбрехта, заинтересованного в распространении лютеранства среди остатков пруссов, был составлен перевод двух сокращенных лютеранских катехизисов. В 1561 г., чтобы совершать богослужение на прусском языке, был сделан полный перевод лютеранского катехизиса, который появился в свет под названием «Enchiridion, der kleine Katechismus D-г M. Luihers, deutsch und preussisch». Кроме того, о прусском языке дают представления некоторые уцелевшие от древних времен географические названия отдельных местностей и некоторые имена, а также архаизмы, оставшиеся в древних документах или в народном языке, или же в поздних хрониках (особенно в хронике Grunau). В том виде, в каком прусский язык дошел до нас (то есть в памятниках XV—XVI вв.), он подвергся сильной германизации, ибо с XIII в. немцы постарались внедрить в него много новых слов богослужебного характера, например: jumpravan (святая дева), altar, evangelistai и т. п. Ломейер указывает, что кое-где прусский язык еще мог иметь значение живого языка в начале XVII в. (1625 г.), особенно в Самланде, но уже от 1684 г. есть известие, что «не осталось более ни одной деревни, в которой бы все люди могли понимать старый язык, но только кое-где сохранились отдельные старики, понимающие его. Если и остались следы языка, то они были очень скудными (sparlich), так как народ не оставил никакой собственной литературы»⁴². Аналогично мнение Брюкнера: «Уже в 1684 г. не было ни одной деревни, в которой бы все

стариками понимали по-прусски; только кое-где попадались старики, помнившие язык предков»⁴³.

В более близкое к нам время сохранившиеся тексты прусского языка с приложением словаря и грамматики изданы Траутманном⁴⁴.

Прусский язык пережил в своем развитии ряд ступеней и подвергался ряду влияний. По он принадлежал одному и тому же народу и развивался вместе с этим народом.

Таким образом, первый важный и интересный факт, который мы можем установить отчасти на основе данных языка, отчасти на основе прямых свидетельств древних авторов, — это то, что древнейшее население Пруссии включало в себя и славянские, и латышские, и литовские этнические элементы, на ней встречавшиеся и перекрещивавшиеся; во всяком случае оно ничего общего не имело с германцами. Оно оставалось и развивалось на одной и той же территории, ниоткуда не приходило и никуда не уходило, пока его не истребили немецкие завоеватели, похитившие у него его имя. Автохтонность пруссов на Прибалтийском побережье, их родственная близость не только с другими народами прибалтийской группы, но и со славянством — вот исходные пункты, от которых отправляется древняя прусская история.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Адам Бременский («Gesta Hammaburg ecclesiae pontilicum», IV, 18) говорит о пруссах (Pruzzi), что они жили *contingua Ruzzis* («вдоль русских»). Титмар Мерзебургский говорит о миссионере Бруно, что он проповедовал *confinio praedictae regionis (Prussiae) et Russiae*, то есть «на границе этой области (Пруссии) и России». См. Chron., Lib. VI, Cap. 18 — *Scriptores rerum prussicarum* в дальнейшем — SRP, I, p. 238. Нужно заметить, что и позднее границы русских владений западноевропейские источники склонны были толковать очень расширительно. В конце XII и в XIII вв. это находило себе фактическое и отчасти формальное основание в значительности власти полоцких князей, распространявшейся на большую часть юго-восточной Прибалтики, особенно на Ливонию. Так, папа Климент III учреждает епископство Искуль *in Ruthenia*, а папа Гонорий III называет ливонских епископов «верными людьми, поставленными по России» (*fideles per Russiam constituti*).

² В биографии святого Адальберта слово «пруссы» упоминается в связи с тем, что Адальберт перед своим путешествием в Пруссию, находясь в самом конце X в. при дворе Мазовецкого князя Болеслава, «колебался, идти ли ему проповедовать в землю лютичей или в землю прусов» (*anivo deliberare cepit, utrum Luticenses an Pruzzorum tines adiret*). См. «Vita s. Adalberti episcopi», написанная Канапариусом (SRP. I, p. 228).

³ Это мнение является довольно старым. Оно было впервые высказано в конце XVIII в. Хартнохом в его латинской диссертации «О происхождении прусских племен» («Dissertatio de originibus gentium Prussicarum») и затем в его другой работе «Старая и новая Пруссия» («Alt – und Neupreussen»). Потом оно было поддержано Остермейером в «Мыслях о старых обитателях Пруссии» (Ostermayer, Gedanken von den alien Bewonern Preussens, S. 59), Фойхтом в «Истории Пруссии» («Geschichte Preussens», I, 305 — 306) и др.

⁴ У Плиния гутоны являются восточной частью виндилов – одного, по изложению Плиния, из германских племен («Historia naturalis», IV, 99).

⁵ «Итак, правым берегом Свевского (то есть Балтийского) моря омывается земля племен эстиев, у которых обычаи и внешний вид, как у свевов (*ritus habitusque Sueborum*), а язык больше похож на британский (*Linguae britannicae proprior*). См. Tacit, *Germania*, 45.

⁶ Ptolem, III,5.

⁷ К этим племенам относят литовцев, латышей и пруссов. См. Майе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, стр. 101.

⁸ Billenstein, *Die Grenzen des lettischen Volksstammes*, 1892, Lohmeyer, *Geshichtes Ost und Westpreussen*, I, 1908, S, 16. Только акад. Шахматов поддерживал мнение Тацита, что эстии были кельтами (См. его работы помещенную в «Archiv fur slav. Philologie», B.33. H 1 – 2).

⁹ «Следом за свионами живут племена ситонов, во всем на них похожие. Ситоны отличаются только одним тем, что над ними господствует женщина, – до такой степени они пали даже и в рабстве своем, не говоря уже о свободе». См. Tacit, *Germania*, 45.

¹⁰ «Акад. Соболевский, Русско-скифские этюды, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XXVII, 1992, стр. 312 – 314.

¹¹ Plinius, IV, 97.

¹² Tacit, *Germania*. 47.

¹³ Ptolem., *Geographia*, III, 5 – 7.

¹⁴ Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, 1911

¹⁵ Акад. Соболевский, Русско-скифские этюды, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XXVII, 1922, стр. 331.

¹⁶ Lohmeyer, *Geschichte von Ost- und Westpreussen*, 3, Auflage, 1908, S. 16.

¹⁷ См. Schuhardt, *Vorgeschichte von Deutschland*, 1928, S. 343.

¹⁸ См. «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 83.

¹⁹ Примеры взяты, главным образом, из работы Q. Hein'e («Zeitschrift fur Ethnologie», 1890, 22, S. 180) *Altpreussische Wirtschaftsgeschichte bis zum Ordenszeit*. См. также Trautmann, *Die altpreussischen Sprachdenkmaler*, Gottingen, 1910.

²⁰ См. «Вестник древней истории», 1950, № 1, стр. 220 – 226.

²¹ С особенной решительностью этот взгляд отстаивал Коссина в работе «Die Ethnologische Stellung der Ostgermanen» («Indogermanische Forschungen», VII, 1896).

²² В близкое к нам время фашистские и профашистские историки придавали очень большое значение этому мнимому вселению готов в Прибалтику из Скандинавии. Еще совсем недавно они строили на нем свою теорию о чистоте северной («нордической») расы, ибо, по их представлениям, испокон веков наиболее чистыми представителями арийской крови были жители северной Европы (см. Kossina, *Ursprung und Verbreitung der Germanen*, 1928), то есть современных Норвегии, Швеции и Дании. Ведь оттуда пришел мифический мир древнего германского эпоса, там зародились саге об Одине, Фрейе и их сыне Торе и вообще вся система германских языческих религиозных представлений. Отсюда тот идеологический почет, которым фашисты одно время пытались окружить Скандинавский север, отсюда и поиски всякого рода древнейших этнических связей между немцами и скандинавами. Но когда гитлеровская политика натолкнулась на сопротивление норвежцев, шведов и датчан, нежелающих подчиниться «новому порядку», устанавливаемому гитлеровскими захватчиками, фашисты перестали признавать чистоту скандинавской расы. «В циркуляре, – сообщала газета «Правда» от 24 сентября 1942 г., – подписанном лично заместителем Гитлера Мартином Борманном и Альфредом Розенбергом, отменяется признание скандинавских народов выс-

шей Северной расой» (Д. Заславкий, Отставка фашистского севера).

²³ Schmidt, *Geschichte der deutschen Stamme*, 1. Abth., 1910, S. 30.

²⁴ См. там же, стр. 51-52.

²⁵ Коссина («Indogerman. Forschungen», VII, S. 285) к этим крепостям относит и Данцинг-Гданск, производя название Гданск от упоминаемого у Иорнанда термина *Gothiscandza-Godunisca*. Фойгт же (в «*Geschichte Preussens*», I) связывает название «Гданск» с данами, которые позднее делали набеги на Пруссию и тоже основывали там крепости. Но это словопроизводство Гданска от германских названий племен «готы» или «даны» не оправдывается ни историческими, ни лингвистическими данными. Название «Гданск» возникло позднее. Город Гданск впервые упоминается в «Житии святого Адальберта» под именем *Gyddanizc* (SRP, I, p. 228); это название связано, очевидно, со сбором дани на мосту, который построили во время своих ранних набегов на Пруссию поляки (*danniczzi most*).

²⁶ Jornand, *De rebus geticis*, IV, 25. XVII, 94.

²⁷ Упоминаемые здесь ульмеруги являются по-видимому, племенем, жившим на островах, образованных устьем р. Вислы (см. у Иорнанда: *in insulam Visclae amnis vadibus circumactam*). С жителями о. Руи (Рювена) — руинами — они, по-видимому, ничего общего не имели. О том же прибытии готов к устью Вислы на 3 кораблях у Иорнанда говорится в другом месте (XVII, p. 94).

²⁸ Jornand, IV, 27.

²⁹ «*Historia Langobardorum*», I, 1 – 3, 7 – 9.

³⁰ *In tantam multitudinem populassent, ut iam simul habirare non valerent.*

³¹ Jorn., IV, 27.

³² Jorn., IV, 27.

³³ Plinius, *Historia Naturalis*, IV, 99.

³⁴ Tacit, *Germania*, 44.

³⁵ См. Schmidt, *Geschichte der deutschen Stamme*. I. *Abtheilung*, s. 51.

³⁶ Гильфердинг находил, что готы, подобно другим прибалтийским немцам, представляли из себя только немецкие дружины, временно завладевавшие исконным славянским населением, жившим на своей прибалтийской родине издревле и непрерывно. В составе древнего прибалтийского населения, по мнению Гильфердинга, надо отличать немецкую верхушку, которая представляла из себя подвижную и часто переходившую с места на место дружину, и славянскую основу, никуда не уходившую и остававшуюся на месте. «Все эти прибалтийские немцы—лугии, вандалы, готы, бургунды, руги и т. д.—составляли, без сомнения, военные дружины. Образуюсь, как описывает Цезарь и Тацит, в коренных немецких землях, иные, вероятно, и в Скандинавии, из молодых людей, которым не нравилась домашняя жизнь и полевая работа, они выходили, видно, мало-помалу в соседние области венедов (славян), подчиняли себе туземцев и жили между ними пришельцами и господами: не дорожа землею не своею, они охотно ее покидали и шли налегке всюду, где можно было пожить». См. Гильфердинг, *История балтийских славян*, СПбС 1847, стр. 11.

³⁷ Tacit., *Germania*, 46.

³⁸ Tacit *Germania*. 43. Лугии (у Тацита они называются лигии). согласно с племенными сагами готов и лангобардов, жили сначала между Вислой и нижним Одером по берегу моря, а потом передвинулись к югу (см. Schmidt, цит. соч., стр. 355). Некоторые немецкие историки относили лугиев к германцам. Но это противоречит свидетельствам Тацита и Птолемея, которые считали их самостоятельной народностью, состоявшей из ряда племен (Тацит называет 5 лигийских племен; Птолемей же насчитывает их только 3). К лугиям же, по-видимому, надо отнести и упоми-

наемых Птолемеом силингов (в нижней Силезии) и лакрингов (иначе виктуалиев). Археологические данные (главным образом характер построек) показывают, что лугии сильно отличались по ряду признаков от германских племен и близко походили на племена славянские. Впоследствии лугии слились с венедами.

³⁹ Ptolem., – L. III, 5, № 9.

⁴⁰ Ф. Энгельс, К истории древних германцев, стр. 50.

⁴¹ См. Майе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, стр. 101-102.

⁴² Lohmeyer, Geschichte von Ost- und Westpreussen, I Abtheilung, 188, I, 8-9.

⁴³ А. Bruckner, Starozytna Litwa, Warszawa, 1904, 36.

⁴⁴ R. Trautmann, Die Altpreussischen Sprachdenkmaler, Gottingen, 1910.